

Николай Рерих

Врата в будущее (сборник)

«Public Domain»

Рерих Н. К.

Врата в будущее (сборник) / Н. К. Рерих — «Public Domain»,

Основы Этики и Культуры всюду нужны, – писал Н.К.Рерих. – Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос... Все это не отвлеченность, но великая основная реальность... Дума о культуре есть Врата В Будущее. В сборник вошли статьи написанные в разные годы.

Содержание

Крылья	5
Лихочасье	7
О мире всего мира	10
Великое наследие	12
«Страшный зверь»	14
Радуйся	16
Переселение искусства	19
Фан мемориал	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Рерих

Врата в будущее (сборник)

Крылья

Окрылились люди! Бороздят синеву самолеты. Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помощь? А вдруг – бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?

Допущены ли бомбы, газы, убийства? Разрешено ли поношение рода человеческого? На каком совете решено убийство? Мирный поселянин где-то строит очаг, а может быть, за морями уже готовятся бомбы и яды, чтобы умертвить детей его! Кто знает, где таятся злоумышления? Где готовятся покушения? Не огрубело ли сознание, если оно так легко привыкло к созерцанию убийств? Люди ведь готовы платить за зрелище казни, точно в римском Колизее!

Захотел, повелел, и крылья человечества понесут смерть и гибель. А печатные листы отметят малым набором об уничтожении женщин и детей. Без крыльев эти убийства и не совершились бы. Итоги давних войн несравнимы с гекатомбами наших дней. Несравнимы и размеры всех разрушений, – ведь прежде они совершались примитивно, а теперь «цивилизованно». Где же заветы о такой цивилизации? Где же право на поправление всего достоинства человеческого?

Таковыми ли крыльями охранены врата в будущее?!

Но положим, что самолеты несут не губительных колдунов, не Черноморов, но вестников добрых. Предположим, что поворот рычага радио донесет лучшие созвучия. Отринем всякие наркотики, чтобы утвердилась трезвость. София, Вера, Надежда, Любовь – разве призраки? В век Матери Мира защитницы строения соберутся и окрылятся добрыми крыльями.

* * *

Французский ученый нашел в Ордосе своеобразные остатки древних несториан. Таким образом, знание местных языков и понимание местной жизни позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим. То же самое, вероятно, можно сказать и о многих племенах пленников, переселенных когда-то в самые неожиданные местности. Так в мусульманском городе можно слышать буддийские напевы, а среди Китая можно узнавать традиции Каабы-Мекки и Медины.

Нет никаких возможностей проследить историю всех этих необычайных путей и наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе, или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании – в самых, казалось бы, неожиданных местностях. Когда в итальянских примитивах вы замечаете несомненное знание и близкое соприкосновение с далеким Востоком, то еще раз вам становится ясным, насколько в далекие времена существовали гораздо большие международные сношения, нежели можно было представить. Джиованни ди Паоло знал Восток, когда изображал своих «Трех магов»! Знаем о посольствах, которые ехали к месту назначения целые десятки лет, не теряя при этом своего смысла. Значит, не столько примитивность бывших веков, сколько просто другой темп и ритм действий лежали в основе жизни.

Окрылились люди. Сейчас они перелетели, стремительно перенесли через пространство. Они заспешили и затолкались, как на базаре перед его закрытием.

Уже раздаются голоса о тщетности такой поспешности, неоправданной духовными запросами и утверждениями. Люди стирают многие бывшие границы и в то же самое время изоб-

ретают подобные же, а может быть, и еще горшие ограничения. Ведь в древности границы бывали, прежде всего, символом защиты. Даже каждый двор бывал огражден, защищен. Разве не злоба, недоверие и вражда сейчас диктуют международные распри? Ради взаимного унижения люди готовы увлечься самыми нелепыми и злобно надушенными измышлениями. В таких порожденных недоброжелательством ограничениях, как духовных, так и физических, возникает новый ужас отрицаний. Среди всей этой разрушительной негативности, граничащей с невежественностью, опять затрудняется всякое разумное строительство. Кто-то когда-то сказал – «тесна моя улица!» Может быть, тогда теснота происходила от средневековых костров, а сейчас разве не те же, уже незримые, костры полыхают тем же пламенем злобы?

Разобраться во всей сложности вопля часа можно лишь доброжелательством, презрев все темные и злобные препоны. Все-таки остаются в распоряжении людей и такие крылья, которые будут соответствовать успехам авиации. Крылья духа! Помогите оправдать и физические находения человечества! Иначе некуда лететь и наполнять пространство. Поворачивая рычаги самого примитивного радио, вызываются из пространства и мелодии, и стенания, и какой-то ужасный рев, точно в сферы проявленные врывается безобразный хаос. Казалось бы, и радио, и простая фотографическая фильма достаточно напоминают, сколько недоступного физическому глазу и уху человеческому! Даже простой школьный микроскоп должен на всю жизнь внушить уважение к изощренности и бесконечному разнообразию обычно неуловимых форм. Даже такие примитивные приспособления должны бы обогащать благородство человеческого мышления, но происходит нечто странное, наука и ее достижения идут какими-то своими путями, а общечеловеческое мышление остается в каком-то обиходном прозябании.

Освободилось ли человечество от грубости мысли? Поняло ли оно высоту этики, воплощенную в жизни? Преклонился ли звериный произвол перед Высшим Строительством и восхитился ли дух человеческий великими Красотами надземными? Если вы зададите себе эти вопросы – трузмы среди грубых ударов бокса, среди окружающих хриплых воплей невежества, среди звериности наркотиков, среди нечеловеческой мерзости брани, среди убийства и взаимоуничтожения, то одно напоминание о вопросах благородства и созидания покажется чудовищно неуместным. Кабацкий ужас, звериное сквернословие, противочеловеческий разврат! Какое же может иметь соотношение к красоте это безобразие?!

Не от этих ли земных безобразий, углубленных современным человеком, кто-то хочет лететь в стратосферу? Кто-то хочет уйти хоть куда-нибудь выше и, может быть, принести еще одну формулу, которая проникла бы даже в озверелый мозг.

Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке. Многие возможности отвлечения от безобразного водоворота современности предлагают лучшие умы. Многие пустыни могут расцвести. Многие мечтают о крыльях, но эти крылья не есть лопасти аэропланов, несущих убийственные бомбы.

К каждому Новому Году будем объединять наше мышление на том, что суждены человечеству крылья, и оно получит их, когда захочет помыслить о них всею силою духа.

10 декабря 1934 г.

Пекин.

Лихочасье

Всем памятни знаменательные слова Ломоносова об отставлении Академии Наук от него.

«Ярость врагов с робостью друзей состязаются» – так отвечал Менделеев на вопросы – какой смысл в ярко несправедливом к нему отношении со стороны Петербургской Академии Наук! Нечто в том же роде заметил и Пирогов по поводу недоброжелательного отношения со стороны врачей.

В одной из неоконченных повестей Пушкин говорит: «Перед чем же я робею». «Перед недоброжелательством», – отвечал русский. Это черта наших нравов. В народе она выражается насмешкой, а в высшем кругу невниманием и холодностью. Не могу не добавить несколько строк из пушкинского «Путешествие в Эрзерум», которое кончается так: «На столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи... Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве». Так говорит Пушкин.

А вот как скорбно поминает Гоголь в своей переписке о несправедливом к Пушкину отношении: «Не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть в свете, видя во всем одно бесовское. Их удел – впадать в самые грубые ошибки. Нечто тому подобное случилось недавно в литературе. Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин был деист, а не христианин; точно, как будто они побывали в душе Пушкина; точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догматах христианских, за которые и сам святитель Церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшею святостью своей жизни. По их понятиям, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки». «Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику, печатно, в виду всех, взводить на Пушкина такое обвинение, и что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае, если бы смысл такого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, но не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясняться и говорить в малейшем действии своем. Публично выставить нехристианином человека и даже противником Христа! Разве это христианское дело? Да и кто же из вас Христианин? Этак я могу обвинить самого критика в нехристианстве».

О себе Гоголь в авторской исповеди пишет: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как „Выбранные места из переписки с друзьями“. И, что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе – предметом толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложением».

Сколько скорби в этих признаниях!

Разве не тем же полна трагическая жизнь Лермонтова?..

Разве конец Мусоргского не от тех же темных причин?..

Вспоминаются полные болью слова Врубеля или рассказ Куинджи о том, как злые люди считали, что он вовсе и не Куинджи, но крымский пастух, убивший художника Куинджи.

Разве такое злоумышление не есть яркое свидетельство уже давно отмеченного недоброжелательства? Чем бы ни объяснять такое темное чувство, все равно никакого разумного смысла в нем не найдется; объяснить ли его только завистью? Но такое объяснение будет слиш-

ком ограниченно. Объяснить невежеством и дикостью? Но тогда почему даже у диких племен часто высказывается взаимоуважение?

Каким же таким низменным темным состоянием нужно объяснить, когда у нас на глазах, русскую гордость, Голенищева-Кутузова называют изменником?

Какая же тут зависть!

Ведь это уже будет относиться к тому скотскому состоянию, о котором так горько и проникновенно сказал еще Котошихин.

Казалось бы, века прошли!

Казалось бы, на земле прошло столько ужасов, что, хотя бы из примитивной предосторожности, должна быть проявлена хотя бы предусмотрительность. Ведь прозвище Скотинина не должно радовать того, кто считает себя человекообразным.

Но наряду с низким Скотининым существует и злобное сатанинство. И никак Вы иначе не назовете это ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих героев Российской Истории.

Да, истинно, не только в войнах разрушаются Культурные Сокровища. Ценнейшие сосуды разбиваются в судорогах злобы. В полном одичании, в судорогах безумия произносятся самые разрушительные формулы. При этом потрясает та чудовищная безответственность, которая не дает себе труда хотя бы помыслить, к каким следствиям приведет это буйно-дикое состояние?

Буйный безумец должен разрушать, и, конечно, его животный мозг даже и не умеет одуматься и заглянуть в приуроченное им самим же.

Где тут критика?

Где тут насмешливость?

Где тут недоброжелательство?

В ярости безумия смешиваются все формы. В безобразии хаоса уже не различаются никакие границы. А ведь припадки безумия бывают заразительны.

Сколько исторических примеров массового безумия.

Целые эпидемии психические возникали и горестно запечатлевались на страницах истории человечества. Но не странно ли видеть, что приговор Котошихина должен повториться и в словах Пушкина, должен так же отмечаться опять через столетия. Не слишком ли застарела болезнь? Не пришло ли время обратиться к вечным панацеям Добра и Света, и Законам Божеским, чтобы отогнать приступы сатанизма?

Когда сгущаются солнечные пятна, когда космически твердь содрогается, не пора ли сосредоточиться на мысли о том, как изгнать всеразрушающее безумие злобы?

Не пора ли признать, что ложь и клевета порождают самых безобразных пространственных сущностей?

Не наступает ли последний час, чтобы развернуть запятые коды добра и отмыть глаз сердца?

Но Гоголь, сердцеводец, говорит также и так: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребках запечатанные меды их; перенимают, черт знает, какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке».

«Но у последнего подлюжки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, — и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Где же ты?

Зазвучи, отзовись, русское сердце!

12 декабря 1934 г.

Пекин.

О мире всего мира

«Имейте в себе соль и мир имейте между собою».

«О Море всего мира». Не будет ли его моление одной из величайших утопий? Так говорит очевидность. Но сердце и действительная сущность продолжает повторять эти высокие слова, как возможную действительность. Если прислушаться к голосу поверхностной очевидности, то ведь и все заповеди окажутся неисполнимой утопией. Где же оно – «Не убий»? Где же оно – «Не укради»? Где же оно – «Не прелюбы сотвори»? Где же оно – «Не послушествуй на ближнего своего свидетельство ложно»? Где же исполнение и всех прочих простых и ясно звучащих основ Бытия? Может быть, какие-то умники скажут: «К чему и твердить эти указы, если они все равно не исполняются».

Каждому из нас приходилось много раз слышать всякие нарекания и предостережения против утопий. От детства и юношества приходилось слышать житейские советы, чтобы не увлекаться «пустым идеализмом», а быть ближе к «практической жизни». Некоторые молодые сердца не соглашались на ту «практическую жизнь», к которой их уговаривали «житейские мудрецы». Некоторым юношам сердце подсказывало, что путь идеализма, против которого их остерегали старшие, есть наиболее жизненный и заповеданный. На этой почве идеализма и «житейской мудрости» произошло множество семейных трагедий. Кто знает, в основе чего легли многие самоубийства – эти самые неразумные разрешения жизненных проблем. Ведь «житейские мудрецы» не остерегли вовремя молодежь от страшного заблуждения, приводившего даже к самоубийству. Когда же эти, постепенно обреченные, молодые люди спрашивали старших, будут ли в предполагаемой практической жизни исполняться Заповеди Добра? – старшие иногда махали рукой, кощунственно шепча – «все простится». И возникало между этим «все простится» и заповедями жизни какое-то неразрешимое противоречие. «Житейские мудрецы» готовы были обещать все, что угодно, лишь бы остеречь молодежь от идеализма. Когда же юношество погружалось в условную механическую жизнь, то даже книжники и фарисеи всплескивали руками. Но спрашивается, кто же повел молодежь на кулачный бой, на скачки, на развратные фильмы? Не сами ли «житейские мудрецы», со вздохом повторяя – «не обманешь – не продашь», усердно создавали разлагающие условия жизни. Когда-то говорились: «Сегодня маленький компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра – большой подлец».

Именно так, в самых маленьких компромиссах против светлого идеализма загрязнилось воображение и сознание. Темнота сознания начинала шептать о неприложимости в жизни Заповедей. Именно эта ехидна сомнения начинала уверять в ночной темноте, что Мир всего мира есть чистейшая утопия.

Но это моление когда-то и кем-то было создано не как отвлеченность, но именно как приказный призыв о возможной действительности. Великий ум знал, что Мир всего мира не только возможен, но и есть тот великий спасительный магнит, к которому рано или поздно пристанут корабли путников. На разных языках, в разных концах Земли повторяется и будет повторяться это священное моление. Неисповедимы пути, не людям предрешать, как, где и когда осуществится идеализм.

Действительно, пути непредрешимы. Но конечная цель остается единой. К этой цели поведут и все проявления того идеализма, так часто гонимого житейской премудростью. Также будет день, когда так называемый идеализм будет понят не только, как нечто самое практичное, но и как единственный путь в решении прочих житейских проблем. Тот же идеализм породит и стремление к честному, неограниченному знанию, как одной из самых спасительных пристаней.

Идеализм рассеет и суеверия и предрассудки, которые так убийственно омертвляют жизненные стремления человечества. Если бы кто-то собрал энциклопедию суеверий и предрас-

судков, то обнаружилась бы странная истина о том, насколько многие эти ехидны и до сих пор проживают даже среди мнящего себя просвещенным человечества. Но, поверх всех смут, добро поет о мире и благоволении. Никакие пушки, никакие взрывы не заглушат этих хоров. И, несмотря на все «житейские» ложно-мудрости, идеализм как учение блага все же останется самым быстро достигающим и самым обновляющим в жизни. Сказано: «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?» Именно злосердечие будет нашептывать о том, что всякое благоволение недействительно и несвоевременно. Но будем твердо знать, что даже Мир всего мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего самого высокого и самого лучшего именно своевременно и облегчает пути кратчайшие.

Пусть благие символы, пусть самые благожелательные знамена развеваются над всем, чем жив дух человеческий.

25 декабря 1934 г.

Пекин.

Великое наследие

Почти сорок лет тому назад довелось обратить внимание на замечательные, по стилизации своей, скифские древности и родственные им в духе, так называвшиеся тогда, чудские бляшки. Тогда еще скифские древности понимались лишь как перетолкование греческого классического мира, а чудские древности относились к чему-то просто примитивному. Сам живоотнообразный романеск казался просто романтическим средневековьем.

Помню, как когда-то в одном из художественных журналов мы указали на необыкновенный стиль этих животных композиций, то один писатель Ф., считавший себя очень изысканно современным, посмеялся над этим, не находя нужным серьезно полюбоваться и обсудить такие замечательные находки.

С тех пор много воды утекло. Появилась целая наука о «зверином стиле». Самые замечательные ученые обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям. Действительно, как это ни странно, но великие кочевые народы оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности.

Думаю, что сейчас никакой писатель, мыслящий себя образованным, уже не станет смеяться над столь выразительными и богатыми в композиции бронзовыми фигурками. Наоборот, и современный художник, и археолог придут в одинаковое восхищение, наблюдая эти изысканнейшие формы живоотнообразного царства. От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам, протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. С каждым годом все новые области присоединяются к этим открытиям. После Кавказа и Минусинска находки средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей, дают новые и блестящие находки. Только что мы видели и интересную книгу Андерсона, а также блестящее собрание ордосских бронз, находящееся в Пекине у миссис Картер. Некоторые формы из этого разнообразного собрания перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих насельников. Можно было вновь порадоваться, любуясь замечательными стилизациями горных козлов, оленей, леопардов, птиц, змей и других реальных и фантастических существ.

Видно, что это народное творчество было не только связано ритуальными надобностями. Легко можно усматривать широкую композиционность, входившую во все украшение жизни. Особенно это делается очевидным, когда Козловым были найдены в курганах Монголии остатки ткани с теми же богатыми живоотнообразными орнаментами. Эта потребность разнообразного украшения жизни показывает, насколько эти народы носили в себе настоящий потенциал неистощимой фантазии. Ведь это не были греческие подделки под определенный стиль, это были народные, непосредственные выражения, изливавшиеся из эмбрионов творчества. Потому можно понять, почему и дальнейшее творчество, как тех же народов, так и их наследников, дало много незабываемых памятников искусства и большие страницы истории. Само передвижение подобных народов показывает ненасытную устремленность. От океана до океана, через все препоны и трудности, шли путники воображенного града. Тоска по светлому Китежу, неутомное хождение в Беловодье, поиски Грааля, не от тех ли исканий, когда наблюдательный проникновенный взор восхищался богатствами царств природы, звал неутомимо вперед.

Было бы малым решение предположить, что эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади. Правда, незабвенный Тверитянин восклицал – «И от всех наших бед уйдем в Индию» – куда он все-таки и ушел и, подкрепившись светом путе-

шествия, вернулся назад, овеянный чудесною опытностью. Конечно, эти «беды» Тверитянина не были только бедами физическими. Конечно, его духовное начало, начало бедствовать от каких-то несоответствий. Сердце его вне узкопрактических соображений подсказало ему путь необычный и оздоровляющее движение. Этими поисками оздоровляющих движений, конечно, объясняются даже и движения целых народов. От движений народы ни уставали, ни ослабевали, но в расширении кругозора накапливали богатство воображения.

Действительно, воображение есть не что иное, как заработанный накопленный опыт. Чем больше изоощрялся глаз и ум, тем многоцветнее загоралось творчество. Богатство так называемого звериного стиля именно является одним из неутомимо накопленных сокровищ. Как мы говорили, оно не только потребовано какими-то ритуалами. Оно широко разлилось по всей жизни, укрепляя и дальнейшее воображение к подвигам бранным и созидательным.

Химера Парижского собора, разве не вспоминает она о пространствах Ордоса, или о Тибетских нагорьях, или о безбрежных водных путях Сибири? Когда богатотворческая рука Алланов украшала храмы Владимира и Юрьева Польского, разве эти геральдические грифоны, львы и все узорчатые чудища не являлись как бы тамгою далеких Азиатских просторов. В этих взаимных напоминаниях звучат какие-то духовные ручательства, и никакие эпохи не изглаживают исконных путей.

Люди думают о каких-то новых определениях. В условном наименовании Евразии они хотят выразить еще одно богатство сочетаний. В геральдическом единороге вспоминается однорогая тибетская антилопа, и франкская Милюзина перенесет вас к Гандарвам Индии. При этом будет звучать богатство воображения, заработанное в героических поединках на далеких путях.

Многие названия несоответственны или незаслуженны. Так и само наименование звериного стиля внешне односторонне. Он звучит для вас не одними звериными формами, но именно своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Какое-то другое, более существенное по глубине, определение заслуживает этот стиль, выросший из жизни, как чудесная сказка импровизации хожалого баяна. Звериность не будет внутренним признаком этого стиля. Его художественное благородство и богатство просят какое-то более выразительное определение. Наверное, такое определение, а может быть и не одно, будет найдено по мере накопления новых открытий.

В истории человечества поучительно наблюдать знаменательные волны открытий. Нельзя сказать, чтобы они зависели лишь от случайно возбужденного интереса. Вне человеческих случайностей, точно бы самые недра земли в какие-то сужденные сроки открывают тайники свои. Как бы случайно, а в сущности, может быть, логически, предугазанно, точно бы океанские волны, выбрасываются целые гряды знаменательно одноподобных находок. Так и теперь, после Венгрии, после Кавказа и Сибири, появились прекрасные находки Луристана среди Азиатских пространств, а теперь и Алашани и Ордоса и, вероятно, среди многих других, как бы предназначенных местностей.

Знаки великих путников выступают не случайно, и потому особое внимание к ним тоже далеко от случайности. Словно бы недра земли раскрываются и поучают, когда нужно, богатствами, накопленными ушедшими племенами.

Великие путники оставляют знаменательные знаки.

24 декабря 1934 г.

Пекин.

«Страшный зверь»

«Сильнее кошки – зверя нет». Как разнообразно в течение многих веков прошла эта пословица, первоначально данная каким-то глубоким психологом. В истории человечества психологирование пространства представляет собою необыкновенно поучительную главу. От древнейших времен, и в военных и других государственных делах этот принцип являлся поражающим. Мы знаем, как в середине века датские рыбаки не решались выходить в море ввиду азиатских событий. Мы знаем, как остановленные всадником путники терпеливо ожидали его, пока он сходит в стан за мечом, чтобы отрубить им головы. И теперь много где можно подмечать такую же терпеливо склоненную голову. И в военных и в экономических потрясениях эта как бы предрешенная неизбежность поворачивала целые страницы истории.

«Страх сковывающий». Разве не лежит именно он в основе так многих несчастий? Конечно, может случиться и не менее ужасный противовес, а именно – буйное разрушение всех основ. При той и другой крайности панацеей может быть лишь основа культуры. Как бы некоторые двуногие ни пытались забыть об этом краеугольном понятии, оно напомнит о себе. Чем более оно будет запущено – тем грознее может быть напоминание.

Эзоповы басни были своего рода знаменем времени. В них нельзя заподозрить ни просто сковывающий страх, ни просто загадочную тайну. Такие басни являются символическим иероглифом. Так, бывало, оставлялись нашими предками мудрые, накопленные опытом, наставления, выраженные условным языком, чтобы не метать бисера перед свиньями. Именно, не ради страха, но ради мудрой бережности не однажды прибегалось к условному языку, который в результате своем имел, может быть, и условный жест или условный молчаливый взгляд.

Вот мы слышим о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения! Изобретаются отвратительные приспособления, лишь бы понудить человека. Можно ли допустить, что тысячелетия должны пройти для того, чтобы люди в прежней звероподобности бросались друг на друга, мучили и навсегда обезображивали как тело, так и дух. При этом часто рассказы о пытках и мучениях передаются без всякого возмущения, а просто как естественный факт современности. При этом ни судьям, ни следователям, ни, конечно, самим палачам и в голову не приходит, что без всяких жестоких и безобразных пыток возможно изыскание истины под самым простым гипнозом.

Казалось бы, за все время эволюции науки уже достаточно было выяснено о применимости гипноза, внушения. Конечно, эти энергии не могут быть широко даваемы массам, которые легко могут применять их во зло. Но правительства, в строго научных пределах, конечно, с гораздо большими просвещенными результатами могли бы пользоваться такими приемами, нежели пребывать на уровне диких пыток.

Известно, что в некоторых странах научные приемы уже применяются при судебных следствиях. Известны многие случаи поразительных результатов, которые невежественным людям кажутся чем-то чудесным. Но если науке суждено продвигаться в сфере изучения энергий, то приложение их в обиходе будет самым естественным.

Сейчас, казалось бы, даже смешно говорить о таких истинах, как гипнотизм, внушение. Всякий знает, что лечат пьяниц и разные виды психоза именно внушением. Всем известны случаи, когда вместо наркотиков при операции боль останавливалась тоже внушением. При этом окружающие условия бывали даже неблагоприятными, и тем не менее должные следствия получались. Значит, насколько же удачнее могут быть следствия, если соблюсти лучшие окружающие условия?

Сколько суеверий и темных предрассудков могут быть избегнуты честными опытами и наблюдениями. Новые области общественных отношений откроются и обогатятся именно не предположениями, а научными изысканиями.

Но дело-то в том, что люди очень часто именно боятся таких изысканий. Именно накопленные столетиями суеверия заслоняют самые разумные размышления о возможностях. Ведь мудры были те, кто уже когда-то давно в разных выражениях напоминали о том, что «страшнее кошки – зверя нет».

31 декабря 1934 г.

Радуйся

В радости, простоте и в неожиданности звучат многие прозрения. И никак иначе вы не назовете эти искры знания, как прозрение.

Приходит из Тибета лама. По виду совершенно простой путник. Обносился он в далеких горных хождениях, потерял много сил, исхудал и покрылся бронзовым загаром от зноя и холода. Пришел в Гималаи как раз незадолго до нашего отъезда. Спросили его, бывают ли у него видения или какие-либо замечательные сны? Сначала отрицал: «Нет, ничего не бывает; ведь я простой лама» – настоящий лама никогда не будет оповещать о своих особенностях. Попросили его: «Если увидишь что-либо, то скажи». На следующее утро горный гость опять пришел и самым тихим, простым голосом заявил, что «видел». А затем, также совершенно просто, он описал весь наш предстоящий путь, который никто из местных жителей и не мог бы знать.

Конечно, путь был рассказан без названий, описательно. Но эти описания поражали своею точностью и характерностью. И морское путешествие, и пребывание в Париже; затем опять буря на большом море и затем Америка с любопытными признаками страны, где так много движения, огня и высочайших домов. Потом опять море, снег, страна со многими храмами и ручными животными. Затем следовали ясные намеки на Хинганские сопки, на многих людей, и хороших, и дурных. Затем шло описание другой страны с храмами и с большим изображением Будды, а там – страна, где живут в юртах и палатках, где много баранов и коней. Конечно, все характерные намеки сопровождались еще многими подробностями, усыпанными и своеобразными сравнениями, и жестами.

Все это повествовалось эпически спокойно и просто. Точно бы путник рассказывал свое собственное хождение. Были сказаны и следствия нашей поездки, которые решительно никому не пришли бы в голову. Во всех таких случаях прозрения прежде всего поражает какая-то особенная простота и непосредственность. Точно бы сидите вы в глубине комнаты, а кто-то подошел к окну и стал рассказывать вам о происходящем на улице.

А разве не в той же поразительной простоте было не так давно сказано одному из наших спутников об его отъезде через восемь месяцев. И затем этот же срок опять был повторен в словах, быстро брошенных. Так же точно помню, как однажды при отходе поезда стоявшая у вагона цыганка вдруг бросила скороговоркой отъезжавшей даме одно правильное и существенное указание.

Не собираюсь перечислять очень многие случаи таких прозрений, бывавших и на Востоке, и на Западе, свидетелем которых приходилось быть. Об этом много писалось, и каждый знает, что наряду со многими выдумками существует целый мир чудесной действительности.

Сейчас хотелось бы обратить внимание на то, что наиболее истинные проявления всегда бывают сопряжены с необыкновенной простотой, непосредственностью и очень часто со стремительностью. Также часто человек прозревший говорит не тогда, когда его спрашивают, – не во время вопроса, а иногда даже и без всякого вопроса. При этом сказанное, даже очень срочное, указание будет сообщено и тихо, и быстро, и как бы невнятно. Точно предполагается, что чье-то внимание уже настроено, что тот, к кому эта весть относится, уже ждет и сумеет принять ее.

Внезапность как бы отвечает настроенности. Люди, между собою ясно согласившиеся, понимают друг друга с полуслова. Так же точно и в пределах прозрений какая-то незримая струна прозвучит и обратит внимание. Благо тем, кто умеет хранить бережную настроенность. Для этого нужна подготовленность. Но истинная готовность образует не какими-то

насильственными сосредоточениями, но именно такую же простотою, которая лежит в основе всех значительных действий и событий.

Часто всем приходится слышать о справедливости первого впечатления и о лукавстве последующих, лживых наносов. Несомненно, самое первое впечатление происходит от сердечного чувствования, и, конечно, все последующие наслоения уже будут затемнены рассудочными условностями. Это так. Но как же отличить границу первого впечатления от последующих.

Очень часто вы можете слышать о том, что человек сетует на неверность якобы первого своего впечатления, а на самом деле он имеет в виду уже вовсе не первое, а, может быть, второе и третье впечатление. Ведь вне времени вспыхивают искры озарения. В живом пространстве беспрерывно сменяются новые сочетания. Только простота чистого сердца безошибочно ухватит знак первый и зов первый. Именно такое сердце ощутит и укол лжи, и холод прикрытой выдумки.

Потому-то так радостно сердцам вмещающим встречаться. Обмениваться как словесной, так и бессловесной беседою и взаимно сочувствовать даже и на расстоянии. И чем проще, прямее, непосредственнее будут эти замыкания сердечного тока, тем большее взаимопонимание и полезность возникнет. Краткие, чуть слышные касания крыльев истины – они ниспосылаются во благо для истинной пользы. Только лукавые загромождения уводят сомневающихся путников в чашу и бездну.

Когда-то обращения начинались с многозначительного привета: «Радуйся». В этом приказе о радости заключено было и пожелание очищения сердца для лучшего восприятия. Именно в утреннем чистом воздухе, в радостном чистом сердце возможны те великие восприятия, которые понижают в вечернем послезакатном смятении.

Слишком много низко-земного облепляет сердце, отягощает его, одурманивает. Недаром повторяется, что утро вечера мудренее. Разве не будет выражением истинной мудрости высокие, мгновенные озарения истины? И всякое такое озарение приносит мудрую радость; и лучшая радость всегда будет сохранять в себе и качество простоты. От сложных противоречий радость не возникает. Радость в себе самой прежде всего имеет качество непосредственности, прямооты, улыбки всему сущему. Именно радость помогает перешагнуть через препоны вражеские. Радость является одним из лучших условий преодоления вражеских нападений. Уже нечего говорить, что радость всегда будет ближайшим путем к восхищению.

Конечно, древнее приветствие – «радуйся» – даже в отрывочных упоминаниях, которые дошли до нас, иногда делалось условным и утрачивало смысл. Но все-таки приказ о радости может быть полезен даже при горестном извещении. В этом будет как бы заключаться Соломонова мудрость, сказавшая: «И это пройдет». Много житейских положений должен был знать тот, кто мог в кратком «и это» понять, как многое наслаивается, проникает и сменяется.

В сменах текущих отражений особенно драгоценны искры озарения, когда их может уловить развлекающееся сознание человеческое. В простоте чувствования воспринимаются и зовы дальние, точнее и быстрее всех радиоволн.

Лама спешит.

– Почему торопишься?

– Учитель зовет; очень болен, надо поспешить.

– А где же твой учитель?

– На Кайласе в пещере.

– Когда же ты получил весть, ведь до Кайласа многие сотни миль?

– Сейчас получил.

Так в простоте произносятся слова знаменательного характера. В этот миг не то важно, что пришла весть, которая через месяцы подтверждается, но важно лишь то, что нужно спешить. Произошло нечто совершенно обычное, не выходящее за пределы возможности каж-

дого дня, и в простоте произносится зов чувствознания. То же простое чувствознание подскажет и лишний раз произнесет знаменательное «радуйся», приказ, выводящий из сумерек, — РАДУЙСЯ.

2 января 1935 г.

Пекин.

Переселение искусства

В конце прошлого века мы устраивали передвижные выставки французского и американского Искусства, которые, кроме уже бывших всемирных выставок, были одними из пионеров современного переселения Искусства. Великие переселения народов, как в прошлом, так и в настоящем, имеют много аналогии. Сейчас, конечно, одним из первых вестников таких движений является, как и следовало ожидать, Искусство. Когда мы писали на гербе наших Учреждений о всенародном значении Художества, мы также имели в виду и взаимное понимание народов посредством языка Искусства.

За последние годы в этом отношении было сделано очень много. Всевозможные институты Искусств, Общества и Лиги, каждая в своих пределах, стараются способствовать обмену искусства и взаимному пониманию посредством лучшего всемирного языка – творчества.

Даже в самые удаленные страны проникают и передвижные выставки, и лекции, и концерты. За период после великой войны можно наблюдать поразительные мирные завоевания Искусством. Имена писателей, художников, артистов и музыкантов, как композиторов, так и исполнителей, так же как и сведения о движении науки, совершили огромный путь. При путешествиях можно с радостью убеждаться, насколько неожиданно широко раскинулись эти мирные вдохновляющие сведения даже в самых неожиданных уголках мира.

Когда-то спесивые политики и вожди государств, вероятно, даже не допускали и мысли, насколько могут быть действенны такие неутомимые вестники Культуры. Наверное, многие из таких политических деятелей искренно были бы удивлены, если бы узнали, какие способствующие мощные факторы неуклонно растут в мире. Действительно, как бы ни старались некоторые двуногие затемнять значение творчества как мирового двигателя, никакие механические мозговые вычисления не опрокинут достоверные данные о росте культурных сношений. При этом не забудем, что эти сношения в большинстве случаев происходят не от правительства, но от общественно-частной инициативы. Таким порядком сами народы участвуют в широчайшем мировом строительстве, упрочивая основу культуры. Должна быть очень подчеркнута эта общественно-частная инициатива. Она является светлым показателем того, как поверх всяких смущений и недоразумений мировая мудрость в неизреченных мерах строит свои пути достижения.

Во многих отраслях творчества: и в писаниях, и в изобразительных искусствах, и в театре, и в самоновейших фирмах – всюду сейчас замечается любопытнейшее обстоятельство. Переселение Искусства происходит не только в распространении или ознакомлении со своим Искусством, но и в желании работать в формах соседних Искусств. Можно наблюдать, как, например, в театральном деле Восток мечтает о западных формах, а Запад часто вдохновляется именно своеобразностью Востока. В театрах Китая и Японии подчас можно усмотреть какое-то подражание Голливуду. Между тем, сколько попыток в восточной сфере происходит среди парижских и американских выставок. Точно бы сам национализм обоюдно осуждается. При этом является большим вопросом, все ли видали удачный китайский или японский Голливуд и постоянно ли убедительны восточные экскурсии, олицетворенные западными руками? Среди множества таких попыток сравнительно немногие вполне убедительны.

Конечно, не будем считать всякие дешево-поверхностные постановки, которые совсем и не заняты вопросами внутренней убедительности и характерности. Даже и во многих лучших случаях, в которых налицо очень почтенные устремления, часто не хватает внутренней убедительности. А ведь это одно из самых основных условий во всех видах творчества. Всякая нарочитая подражательность не приводит к желательным результатам. И в этом смысле получается какая-то механизация или технократия в чисто внешних приемах.

Правда, часто вы замечаете, что автор старался ознакомиться с музейно-архивной частью. Наверное, он советовался с какими-то специалистами, но вы сейчас не можете распознать, когда именно автор полюбил сущность своего творения или же в нем преобладали какие-либо другие задания и желания. Заданная вдумчивость все же не создает убедительности, проистекшей из знания, выросшего из любви.

Сами авторы, вероятно, не всегда смогут дать даже себе отчет, когда именно их устремляло специальное задание, приказанное особыми современными условиями, или когда творчество сложилось из неукротимой песни сердца. В этом смысле произойдут также какие-то своеобразные деления цивилизации и культуры. Иначе говоря, условные современные задания будут как бы в пределах цивилизации, а убедительная песнь сердца, всепобеждающая и неизбежаемая, уже будет в области культуры.

Когда в разных странах встречаются такие условноодолженные формы творчества, чаще всего приходится опасаться за правильность путей так желанного переселения Искусства.

Особенно теперь, когда многие народы сознательно открыли глаза и на свое прошлое и в то же время овладели новейшими достижениями, можно ожидать, что переселение Искусства опять найдет правильное русло в берегах истинных звучаний народов. Очарование этих истинно народных звучаний трудно понимаемо в дальних странах, различных и психологически, и климатически. Зачем же мы будем допускать какие бы то ни было подделки, когда возможно открытие истинно народных источников. Мы видим, что в Индии, Китае, Японии живет свое театральное искусство. К чему же ему Голливуд, который по-своему скажет слова творчества, которые присущи именно ему.

За последнее время повсеместно отметились необыкновенное замечательное явление. В самых неожиданных странах проявились свои собственные артисты, творцы, исполнители. Мы-то этому нисколько не изумляемся, ибо всегда знали, что это так, и так и должно быть, но для многих это простое обстоятельство было целым откровением. Такие откровения лишь показывают неосведомленность многих и неоправданную спесивость, что будто бы многое кому-то не должно быть доступно. Такая ограниченность мышления – просто невежественность. Есть много прекрасных обстоятельств, которых люди не хотят допускать. В деле же обмена Искусством должна быть особенно приложена вся заботливая изысканность, вся истинная любовь, которая согреет и даст творчеству убедительность.

Великие путники древности верили в свои переселения. Они не только были гонимы какими-то тяжкими условиями; они двигались в каких-то больших творческих решениях. Конечно, они любили эти передвижения, а лучшие из этих путников с величайшим вниманием впитывали в себя встреченные особенности и красоты. Мы убеждаемся в этом по наследию, оставленному ими. Также и переселение Искусства будет широко исполнять свою мировую объединительную задачу. На этих славных путях ТВОРЧЕСТВО останется истинным звучанием народов со всеми их неиссякаемыми ценностями. После великих путников оставались нетронутыми и те живописные горные хребты и безбрежные моря и реки, преодоленные ими. Также останутся неповрежденно убедительными источники красот народных, переданных творчеством в бережности и глубокой любви.

Пути общения Искусства и Науки, конечно, будут и удлиняться, и расширяться. В истории нашего времени это культурное завоевание будет не только отмечено, но и оценено с полным вниманием.

Время великих переселений и глубоких взаимопониманий! Пусть будет так!

4 января 1935 г.

Пекин.

Фан мемориал

Конфуций заповедал своим ученикам – «изучить как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев».

В Пекине недалеко от поэтического северного озера, где высится прекрасный белый субурган на горе, рядом с Пекинской библиотекой, можно видеть новое просторное здание института биологии в память Фана, китайского деятеля, неоднократно занимавшего министерские посты и покровительствовавшего наукам. Фан всегда очень интересовался естественной историей и организовал Музей естественной истории в Пекине. Пишут, что он интересовался судьбой этого учреждения даже во время болезни. Потому общество «Чанг-Ши» и «Чайна фундейшен» назвали Институт в память этого большого деятеля Китая. Институт существует с 1928 года, и с тех пор в нем произведены очень значительные научные работы. Прежде всего, Институт посвящал свои занятия китайской флоре и фауне. При образовании Института он имел сравнительно небольшой ежегодный бюджет в 30000 мексиканских долларов и помещался вначале в старой резиденции самого Фана. Доктор Пинг был назначен первым директором при одном профессоре, двух ассистентах-профессорах, двух ассистентах и одном художнике. Теперь же бюджет его вырос до 66000 местных долларов; кроме директора и профессора в состав Института входит 5 ассистентов-профессоров, 12 ассистентов, 3 художника и два препаратора.

Институт предполагает через своих членов произвести работу по составлению национального гербария и особенно сосредоточиться на флоре и фауне Хопейской провинции. Кроме этой провинции, ботанические и зоологические собрания поступают из Чехвана, Юнана, Квантунга и других местностей. Гербарий включает уже более 38500 названий, не считая многих необходимых дубликатов. В технологической лаборатории имеется более 3000 дендрологических образцов, из которых 1826 относятся к Китаю. В зоологическом отделе более 105000 номеров. Кроме того, в ботаническом отделе имеется коллекция из более чем 17000 фотографий растений Китая.

Издание Института заключается в 4 сериях бюллетеней Института – китайские растения, китайская фауна и китайские кустарники. Кроме того, печатается серия популярных справочников на китайском языке. Институт работает в ближайшей кооперации с агрикультурным институтом Киангцзе и с ботаническим садом Кулинга. Этот ботанический сад озабочивается разведением огромного числа китайских растений экономического значения, чтобы культивировать для употребления большое число знаменитых китайских цветов, которые очень ценятся за границей, но сравнительно мало культивируются в самом Китае. Этот же сад обращает большое внимание и на древесные насаждения, чтобы и в этом направлении способствовать лесоводству Юго-Восточного Китая. В задачу входит также культура скрещивания китайских цветов – это огромное поле для исследования с большим экономическим значением.

В ближайшую программу Института Фан, таким образом, входит: 1) собрать богатейший гербарий Китая, посвященный, главным образом, самым значительным провинциям; 2) произвести полнейшее исследование китайской дендрологии, издавая иллюстрированные книги о лесах Китая; 3) сделать лишанский ботанический сад центром садоводства и лесоводства; 4) поднять технологическую лабораторию как центр дендрологических изучений в Китае; 5) обогатить собрание птиц, рыб и моллюсков; 6) производить исследование биологии морских и пресных вод и способствовать рыбным промыслам.

Институт Фана за свое краткое шестилетнее существование при малом бюджете и малочисленном научном составе, конечно, не может сравниться с такими многолетними учреждениями, как, например, Королевский Ботанический сад в Кью около Лондона или биологическое бюро в Америке, но приятно видеть, что и за несколько лет своего существования

институт Фана представляет из себя уже большое национально обоснованное учреждение со всеми задатками быстрого и мощного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.